

МАНГАЗЕЯ ЗЛАТОКИПЯЩАЯ

История Мангазеи и пушного промысла

Мангазею построили безбашенность и расчёт.

К концу XVI века в Заполярье набежало много разных людишек. Спасались от государственных податей, от судов и долгов, прятали награбленное или искали выгоды там, где соболей – что снегов, а царёвых казначеев днём с огнём не сыскать. Мангазея – самая северная duty free на планете, к тому же отсюда через Ледовитый океан можно было выйти на европейские рынки, жадные до мягкого золота. В обход казны

---

* Алексей Иванов, Юлия Зайцева «Дебри». Книга по истории российской государственности в Сибири: от Ермака до Петра. Выйдет в феврале 2017 в издательстве АСТ.

шёл гигантский пушной трафик. Обуздать его и направить в государев карман Борис Годунов в 1600 году послал князя Михаила Шаховского с войском. Экспедиция была тут же разгромлена инородцами, князь ранен. Подозревали, что местным самоедам побить царского посланника помогали русские, которые надеялись и дальше промышлять в этих краях бесконтрольно.

Однако князей у государя много, и каждому подавай соболиную шубу. На следующий год покорять Мангазею послали другого князя, Василия Мосальского, с отрядом в двести вооружённых до зубов воинов. Они и выполнили царский наказ: «отыскать места лутчево, которое бы угодно, крепко, и водяно, и лесно, и впредь бы в том месте городу стоять было мочно, и всякие торговые люди с товары мимо того острогу не обходили некоторыми дорогами и некоторыми делы». Деревянный Мангазейский острог был заложен на руинах старого незаконного поселения на высоком берегу большой реки Таз. С двух сторон его защищали притоки поменьше, а с тыла прикрывали непроходимые леса и болота, находить дорогу в которых умели только собаки и олени местных жителей.

Через три с лишним века археологи с трудом поверят, что великолепный архитектурный ансамбль, достойный лучших произведений мирового зодчества, смог вырасти из вечной мерзлоты Заполярья. Стройные колокольни церквей и пять башен острога крестами пропороли низкое северное небо, предупреждая небесного всадника Мир-Сусне-Хума, что посадки не будет: под копыта его боевого лося здесь уже не положат серебряных блюд. Кроме крепости выстроили двести домов, гостиный двор на двадцать торговых лавок, два приказа, винный подвал, хлебные, соляные и пороховые магазины и больше двух десятков ясачных зимовий для стрелецких гарнизонов, таможенных застав и сборщиков ясака. Самый северный город Российского государства контролировал пространство в тысячи вёрст и приносил в казну гигантские прибыли: в год до ста тысяч только ценных соболиных шкурок, а были еще лисы, куны, песцовые, беличьи...

Богатства «украсно украшенной», «златокипящей» и «благословенной» Мангазеи – соболиного Клондайка и песцового Багдада – нужно было защищать от местных инородцев, которые не хотели платить ясак, от своих же буйных промысловиков, которые вдали от столиц привыкли жить по «закону тайги», и от иностранцев, чьи корабли уже бороздили Студёное море в поисках северных сокровищ. Из острога во все концы рассылались «отъезжие караулы» – охотники за нарушителями царских указов о торговле пушниной. Но по Ледовитому океану через Обскую губу контрабандисты могли попасть в Мангазею, минуя таможи в Тобольске и Берёзове. Поэтому в 1619 году царь запретил морской путь и пригрозил смертной казнью тому, кто покажет иностранцам проход в устье Оби.

По слухам, инородцы за медный котёл давали столько шкурок, сколько в него вмещалось. В раскалённых котлах русского азарта мягкое золото Мангазеи бурлило несколько десятилетий – пока не выкипело до дна.

Жару подавали и мангазейские воеводы, которые порой вместо того, чтобы контролировать фарт, сами бросались за ним в погоню. Серьёзные разрушения городу принесла ссора воевод Григория Кокарева и Андрея Палицына. Старший и младший воеводы с самого начала невзлюбили друг друга: в Мангазею потребовали везти их на разных

кочах, отказались жить в одном воеводском доме, отгрохали себе терема на московский манер и беспрестанно строчили кляузы друг на друга. А в 1630 году развязали настоящую войну. В город с караваном кочей прибыли брат и племянник Палицына. Кокорев устроил у них обыск и обнаружил контрабандное вино. Возмущённый младший воевода поднял посадских жителей, Кокарев с частью войска закрылся в остроге. Палицын держал острог в осаде несколько месяцев. Старший воевода ежедневно палил из пушек и разбомбил половину домов посада. «Мангазейская смута» продолжалась два года, людей за это время было убито немного, но большие территории остались без должного управления. Сцепившихся воевод растащили власти: Палицына для профилактики в Москве ненадолго заключили под домашний арест, а потом отправили воеводить на другие территории, а Кокарев верховодил в Мангазее ещё год.

Вот в таких ярких страстях и пронеслась короткая история Мангазеи – города буйных, азартных и предприимчивых. За семьдесят лет всё вино было выпито, а весь зверь в окрестностях выбит. Содержать острог государству стало в убыток, и в 1672 году на Енисее торжественно заложили Новую Мангазею, нынешний город Туруханск.

ДОБЫТЬ И ПОКАЯТЬСЯ

Култ святого Василия Мангазейского

В 1649 году стрелец Стефан Ширяев примчался к мангазейскому воеводе Фёдору Байкову с чрезвычайным сообщением: на пустыре у приказной избы из земли вышел одним концом гроб. Воевода пожелал удостовериться лично. Гроб открыли и увидели юношу в кровавой рубахе. Старожилы вспомнили, что ещё при основании города был безвинно замучен мальчик-приказчик. Полвека прошло, а гроб цел, и тело будто только что схоронили. Служилые из молодых смотрели на покойника как на чудо. А старожилы не удивлялись, знали уже: что для москвитя нетленные святые мощи, то для сибиряка – климатические условия. Вечная мерзлота и гроб из земли может выдавить, и тело в целости сохранить.

Но вскоре начались исцеления. Кто-то припомнил историю убиенного мальчика, и мангазейцы окончательно убедились, что сибирская мерзлота вернула не тело, а мощи. Самые дерзкие из русских – те, кто пришёл за добычей в дикий северный край, оставив семью и веру, – поверили, что Господь даже здесь не забыл про них и дал в помощь святого, первого и единственного заступника посреди чужой языческой земли.

Мальчика звали Василий. Он был сыном ярославского торговца, всё детство работал в лавке. В 15 лет отец отправил Василия в Мангазею приказчиком к богатому купцу. Скромный молитвенный юноша отличался от грубых, напористых искателей сибирских сокровищ. Купчина воспылал к нему греховной страстью, но получил отпор. А дальше рассказывали по-разному, но всё равно выходил святой.

По одной версии, лавку обокрали. Чтоб отомстить Василию, купец обвинил его в соучастии и отдал государевым людям выбить признание. Василий мог оговорить себя, получить наказание и сохранить жизнь, но решил, что ему дороже христианская честность и не сознавался, и его забили до смерти. В Мангазее, куда каждый второй приходил с но-

вым именем и подложной бумагой, где за грехи платили соболиными шкурками, жизнью за правду мог отдать только святой.

Другой рассказ о Василии предприимчивым мангазейцам показался и вовсе невероятным. Мальчик молился в часовне рядом с лавкой; он слышал, что начался грабёж, но отвлекаться не стал, чтобы не осквернить моление. Когда он закончил молитву и кинулся за помощью, было уже поздно. Купец заподозрил приказчика в соучастии и замучил пыткой, добиваясь признания. В суровую, неустроенную, опасную Сибирь приходили не жить, а превозмогать лишения, холод, голод и страх. Все терпели ради корысти, а терпеть ради молитвы мог только святой.

Место, где явился гроб, огородили, потом построили для святыни часовню, начали прикладываться к мощам и записывать чудеса. У Василия Мангазейского, покровителя промышленников и звероловов, мангазейцы просили фарта. То ли молитва помогала охоте, то ли удача, но к 1660 году почти весь зверь в окрестностях Мангазеи был выбит. За добычей промысловики потянулись дальше к востоку, на Енисей, и основали Новую Мангазею (Туруханск). В новых землях со своим святым казалось не так страшно, и в Туруханске основали Свято-Троицкий монастырь – теперь было, куда перенести мощи.

В 1670 году из Свято-Троицкого монастыря в Мангазею за мощами Василия пришёл иеромонах Тихон. По легенде, Тихон увидел спящего на холме мальчика. Кругом был снег, а верхушка холма под мальчиком оттаяла и покрылась цветами. Тихон взял мальчика на руки и понёс в Туруханск. Восемьсот верст шёл он без сна и отдыха, и в снегах перед ним протаивала тропа и вырастали цветы.

Иеромонах поместил мощи святого Василия в Троицкой церкви у царских врат. В 1719 году в монастыре построили Благовещенскую церковь, и в Туруханск из Тобольска приехал сам святитель Филофей (Лещинский), чтобы поклониться мощам и перенести их в новый храм. Когда Филофей возвращался, его дощаник на Енисее попал в страшную бурю. Судёнышко кидало волнами как щепку, ветер выворачивал мачты, а Филофей молился Василию Мангазейскому, защитнику от всех бед и опасностей грозной Сибири. Этим и спасся. В благодарность святитель прислал для мощей Василия Мангазейского раку и написал в его честь кондак.

Василий Мангазейский стал первым православным святым, явленным в Сибири. Русские напористо и дерзко освоили Сибирь за одно столетие. И всё это время от страха, злобы и отчаяния бородатых матёрых мужей спасал кроткий молитвенный мальчик.

ТАМОЖНЯ БЕРЁТ ДОБРО

Внутренние таможи в России

До середины XVIII века в Российском государстве неисповедимы были только пути господни. Дороги простых смертных правительство тщательно контролировало. Особенно пристально государево око следило за движением в Сибирь и обратно: по этому пути шёл стратегический для казны пушной график.

Российская присказка о том, что у нас не дороги, а направления, не работала, когда дело касалось казённого кармана. Дороги делились на «государевы» и «воровские». «Государевы» были обустроены,

с трактами и постоянными дворами, с ямскими станциями и почтовой службой; здесь находились таможи и потому разрешалось движение купеческих караванов. Внутренние таможи контролировали перемещение любых товаров из одной части страны в другую и взимали пошлины.

Основной таможенной пошлиной была «десятая доля», её брали только российской монетой: серебром или золотом. Имелся перечень товаров, запрещённых к вывозу из Сибири: табак, ремень, водка, лён, медные пятикопеечные монеты и полушки, канифоль, скипидар, мышьяк, свинец, порох, поташ, лосиные кожи, оружие. Но всегда находился способ нарушить запрет, и административная система этому помогала.

Руководили таможнями «таможенные головы». Их назначали в Сибирском приказе. Это были купцы и посадские люди, пользующиеся авторитетом, чаще – из Москвы, а не местные. Жалованья за работу начальникам не полагалось, они должны были «кормиться от дел». Вот они и старались «окупить» свою службу поборами. Государство получало свою долю с легальных товаров, а хозяева таможен разживались ещё и взятками с контрабанды. Их помощники – подьячие, целовальники и сторожа – на свой карман работали особенно усердно. В поисках запрещённых товаров они задирали боярыням юбки и заботливо следили за тем, чтобы купцы по весне не парились в трех лисьих или собольих шубах.

Контрабандистов называли мехоношами. Они проносили в поклаже или провозили в небольших обозах пушнину, соль, порох и другие лёгкие или необъёмные, но дорогие товары. Мехоноши пользовались «воровскими» дорогами. Их прокладывали местные жители для своего удобства. Эти тайные тракты не были обустроены, не имели таможен, и купцам с товарами ездить по ним запрещалось. Хитрых мехонош подкарауливали государевы дозоры и вольные разбойники, выставляя на «воровских» путях пикеты и засады. Но всегда был шанс проскользнуть под защитой метели или тумана, надуть дозорных, отбиться от разбойников. Повезёт – и за дерзость мехоношам отвалится жирный куш, а таможенникам достанется большой кукиш.

Бабиновский тракт был единственной официальной дорогой в Сибирь. По нему шли китайские посольства, легендарный протопоп Аввакум, все великие землепроходцы, ссыльные бояре, купцы и крестьяне-переселенцы. 250 вёрст от Соликамска до Верхотурья зимой на санях преодолевали за пять-шесть дней, в распутицу тащились неделями, а летом в хорошую погоду караваны двигались со скоростью пешехода: 40–50 километров в день. Главная стратегическая дорога России была всего лишь шестиметровой просекой, которую переметало снегом и заваливало буреломом. Паводки сносили мосты, ручьи промывали ямы, в дождь глубокие грунтовые колеи становились непреодолимы. Иностранцы, проехавшие по Бабиновскому тракту, оставили красочные воспоминания о русском экстриме, когда встречные сани сшибались друг с другом и путь продолжал сильнейший, а повозки неслись под гору с такой скоростью, что сминали запряжённых в них лошадей.

У страха глаза велики, но для русских сильнее страха был фарт. В надежде на удачу в конце XVII столетия в Сибирь по Бабиновской дороге каждый год проходило две-три тысячи человек и проезжало около тысячи подвод. На Сибирском тракте главной таможней была Верхо-

турская, она контролировала товарооборот с Центральной Россией. За выходом из Сибири в Китай следила другая таможня – Нерчинская. Между этими двумя границами на тысячевёрстном пути располагались промежуточные таможни и Гостиный двор в Тобольске.

После губернской реформы 1708–1711 годов таможни перешли в подчинение сибирским губернаторам. Губернаторы назначали таможенных надзирателей из числа сибирских дворян и купцов. Прежние целовальники и сторожа стали называться канцелярскими и ларёчными служителями. В новом «регулярном» государстве воровство таможенников доросло до организованной преступности под контролем губернаторов, которые сорок с лишним лет эффективно управляли казённым пушным трафиком, прогоняя немалую его часть через свой карман.

Тобольск всегда спорил с Верхотурьем, кто главнее: тот, у кого таможня, или тот, у кого торговля? В 1753 году победил Тобольск, потому что внутренние таможни в России были отменены. Все пути в Сибирь стали теперь легальными. Это убило Бабиновский тракт – он потерял статус единственно дозволенного пути. Вымерла и организованная преступность вокруг «государевых дорог».

А имперские казначеи, любуясь, как с ладони меж перстней струится шёлковый соболиный мех, уже и представить не могли, сколько мягкого золота утекло из казны сквозь пальцы сибирских таможен.

ПЕРВОССЫЛЬНЫЙ НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ

История Угличского колокола

В лето 1591-е шестьдесят семей из Углича вышли в ссылку в Сибирь. Больше года избитые, закованные в цепи и колодки мужики и бабы с маленькими детьми впроголодь месили три тысячи вёрст снега и грязи, падали от ветра, теряли в болотах раскисшие лапти и подмётки, заворачивались в тряпье, мазали дёгтем кровавые, изъеденные мошкой лица, просили милостыню и грызли кору. Это были первые сибирские ссыльные: их прогнали на восток через полстраны осваивать стратегически важные территории за Уралом. На каторжных угличанах испытали путь в Сибирь, по которому потом прогонят больше миллиона ссыльных. Ссыльные будут кормить своей кровью эту дорогу смерти до конца XIX столетия, пока в Сибирь не проложат первые рельсы.

Из шестидесяти семей несчастных угличан едва ли половина добрела до Тобольска. Хорошо перенёс дорогу лишь один-единственный ссыльный. В Угличе его сбросили со Спасской колокольни, вырвали ему язык, отрубили ухо и наказали 12 ударами плетей. Всю дорогу в Сибирь ссыльные тащили опального калеку на себе. А весил он 19 пудов 20 фунтов (319 кг), было ему триста лет, и звали его Набатный колокол. Вина на нём была страшная: подстрекал к бунту.

15 мая 1591 года в 12 часов этот колокол собрал на площади весь город Углич. Соборный сторож Максим Кузнецов и поп Федот по прозвищу Огурец что есть сил били в набат: изменники зарезали девятилетнего царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного и Марии Нагой! Царевич был последним Рюриковичем, он жил с матерью в ссылке в Угличе. Народ кипел от гнева, крики собравшихся на соборной площади заглушали

гул набатного колокола. Брат царевны Дмитрий Нагой выкрикнул имена подозреваемых, и взбешённая толпа кинулась на расправу. При самосуде забили до смерти 15 человек.

Весть о массовом народном самосуде долетела до Бориса Годунова, и на третий день в Углич вошло царское войско, а следом прибыла следственная комиссия Василия Шуйского и митрополита Геласия. Двести человек казнили, Кузнецова, Огурца и ещё 60 семей сослали в крепость Пелым на северном Урале. Наказали и ни в чём не повинный колокол.

В Тобольск колокол прибыл в 1593 году. Воевода Фёдор Лобанов-Ростовский распорядился запереть его в приказной избе и клеймить надписью «Первоссылный неодошевлённый с Углича». Но вскоре начальство решило, что «неодошевлённый ссыльный» должен работать наравне со всеми; ему приделали вырванный язык и повесили на колокольню церкви Всемилоственного Спаса. Позже «по причине резкого и громкого голоса» заключённого перевели на Софийскую соборную колокольню, чтоб отбивал часы и звонил в набат во время пожара.

Через сто лет правнуки ссыльных угличан уже положили своих стариков в мёрзлую сибирскую землю, и теперь считали её своей. Они знали тайные тропы в болотах, ставили капканы на пушного зверя, плели рыболовные морды из прутьев и сети из крапивной пряжи, ходили на Ямыш-озеро за солью, служили на «посылках» у тобольского воеводы. И только один ссыльный за всех всё помнил и почти сто лет кричал о себе грозным набатом. К 1785 году соборная колокольня состарилась и развалилась, и острожника вместе с другими колоколами перевесили на бревенчатые козлы, где он чуть не расплавился в пожаре 1788 года. Новая колокольня была готова в 1797 году, и «ссыльный неодошевлённый» снова заступил на службу. За сто лет колокол превратился в местную знаменитость, к нему, как друзья по несчастью, приходили сосланные в Сибирь декабристы. В 1837 году по случаю приезда наследника угличский колокол на время снимали с колокольни «для удобного обозрения этой исторической достопримечательности». А в 1890 году заключённого перевели в тобольский музей в качестве экспоната.

Но в Угличе о колоколе не забыли. Уже через несколько лет после убийства царевича народ объявил колокол страстотерпцем, осуждённым безвинно. К 300-летию ссылки под давлением общественности колокол «амнистировали». После большой общественной дискуссии решено было увезти его в Углич, а в Тобольске оставить копию. Обычно сибирские узники не возвращались на родину, на обратную дорогу не хватало ни денег, ни жизни. А угличский набатный вернулся один за всех.

Расходы по возвращению колокола оплатили восемь богатых жителей Углича. К встрече земляка Углич готовился как к большому празднику. У Спасо-Преображенского монастыря на берегу Волги построили специальную пристань, чтобы пароход с колоколом мог причалить торжественно, под громкое «ура» двухтысячной толпы. Засвидетельствовать своё почтение в парадной форме явилось всё городское начальство и духовенство. В городе было объявлено народное гуляние. К всеобщему ликованию справедливость восстановили. Жаль только, что сотни тысяч сибирских ссыльных, не отлитых в металле, а из плоти и крови, своё наказание не пережили.

ЗВЕРЬ В СИБИРИ МАМОНТ

Сибирские мамонты

Иностранцы говорили, что в Сибири обитает сатана. Местные жители то и дело натыкались на его гигантские рога, которые угрожающе торчали прямо из земли или прорубались сквозь ледяные глыбы. Страшно было представить, какое чудовище орудовало ими, прокладывая себе путь из глубин на поверхность через твёрдую как камень вечную мерзлоту. Религиозные иностранцы уверенно заявляли: «Это бивни земноводных бегемотов. А Бегемот, как известно, – одно из имён дьявола». Но нехристи-инородцы быстро смекнули, что бивни и кости потустороннего зверя отличаются невиданной на земле крепостью и могут пригодиться в хозяйстве. И аборигены придумали свою легенду, очень практичную. Подземный зверь – это злой дух. Каждый, кто увидит его торчащие из почвы клыки, должен немедленно выкопать их, тогда опасное отродье лишится силы. Легенда превратила промысел мамонтовой кости в миссию спасения человечества от потустороннего зла. И жители Сибири самоотверженно боролись с демонами несколько столетий, не подозревая, что враг давно повержен. Ещё в начале XIX века на севере Сибири добывали около двух тысяч пудов мамонтовой кости в год. Бивни отправляли через Москву в Англию и через Кяхту в Китай.

Кости невиданного животного находили в болотах, в береговых кручах, в земляных отвалах, в талых ручьях. Поэтому зверя считали подземным. Говорили, что он «громаден, чёрен и страшен, и два рога имеет и может двигать этими рогами как захочет. Пища зверя-мамонта – эта самая земля, и ходит он под землёй, земля от того подымается великими буграми, а позади его остаются глубокие рвы, и леса рушатся наземь. И целые населения проваливаются в эти рвы, и люди гибнут». Особенно коварно зверь вредил хозяйственным русским крестьянам. На высоких берегах Тобола и Иртыша крестьяне ставили свои просторные и основательные подворья с банями и конюшнями. Весной большая вода отламывала от берега внушительные куски и глотала их вместе с избами. Когда река отступала, мужики находили в отвалах бивни и по ним определяли обидчика: берег изнутри подгрыз гигантский зверь мамонт. Чтоб отвадить нечисть от деревни, в половодье крестьяне выносили к реке иконы и опускали их в воду.

Опасный подземный зверь будоражил умы сибирских учёных, любопытство которых было сильнее страха. Целое исследование посвятил мамонтам миссионер Григорий Новицкий: «кости доброты и красоты единые с костми слониовыми», «великостью знамениты», «ветхостью неистленны». Чаще всего, писал Новицкий, кости находят на берегах «Лдистого окиана» и в береговых обрывах рек в Берёзове, Обдорске, Туруханске, а «найпачу Якуцку». Новицкий составил свод версий, кто такой мамонт. По одной из них, это зверь, живущий в недрах земли в пещерах. Когда он случайно выходит наружу, то от сухости воздуха умирает, если поскорее не вернётся обратно. Выглядит это чудовище так: «высотой трёх аршин, длиною пяти аршин, ноги подобни медведя, роги оныя крестообразно сложении на себе носяща, и егда ископывает пещеры, тогда согибается и простирается в подобие ползящего змия».

В конце XVII века тобольский архитектор и знаток Сибири Семён Ремезов нарисовал мамонта для главы Сибирского приказа Андрея

Виниуса. Рисунок он подписал: «Зверь в Сибири мамонт». Ремезов сам нашёл огромный скелет мамонта в Барабинской степи вблизи озера Чаны. Тридцать казаков доставили находку в Тобольск, а Ремезов собрал этот скелет и установил для всеобщего обозрения на воеводском дворе. Мамонт получился высотой в 36 локтей. Мужики, глядя на это рогатое чудище, украдкой крестились, бабы охали, а торжествующий Ремезов с секирой в руке гордо стоял внутри конструкции под рёбрами и показывал, что до макушки мамонта не дотянуться и кончиком секиры.

В 1720 году Ремезов показывал своё творение знаменитому исследователю Сибири Даниилу Готлибу Мессершмидту, и тот описал тобольского мамонта в своих дневниках. В 1740 году во время Второй Камчатской экспедиции академик Герхард Фридрих Миллер забрал тобольский скелет и увёз в Академию наук, но через семь лет мамонт Ремезова погиб при пожаре Академии.